

Е.Ю. Фаркова

Хозяин острова

Хозяин острова — маленький, чуть больше кошки, зверек. Он невидим для людей, его не дано почуять ни собаке, ни кошке «Никто никогда его не видел, не встречал, а он здесь знал всех знал все, что происходило из конца в конец и из края в край в этой отдельной, водой окруженной и из воды поднявшейся земле».

Его убежище было в норе, на берегу мельничной протоки, оттуда он выбирался по ночам и шел обходом по острову.

Своим звериным чутьем Хозяин острова различал «верхние, податливые слуху звуки, звуки Ангары». В них он слышал звуки острова: скрип старой лиственницы, непрерывное шевеление куриц, собак, скотины. Эти звуки казались Хозяину острова громкими и грубыми.

С особенным удовольствием и чутьем он прислушивался к тому, что происходило в земле и возле земли: «шороху мыши, выбирающейся на охоту, притаенной возне пичуги, сидящей в гнезде на яйцах, слабым, замирающим ихам качнувшейся ветки, которая показалась ночной птице неудобной, дыханию возрастающей травы».

Разными путями Хозяин острова вел свой путь по острову, но никогда не пропускал деревню, поскольку в ней чаще всего происходили изменения. Он предчувствовал, что вскоре все изменится и «ему не быть Хозяином, не быть и вовсе ничем». И Хозяин острова смирился с этим. «Чему быть, того и не миновать». Он смирился еще и потому, «что после него здесь не будет никакого хозяина, не над чем станет хозяйничать».

Давно Хозяин острова почуял, что Богодул, как и он, живет последнее лето. И тут, в Матере, настигнет Богодула смерть. Хозяин острова знал, что «Петруха скоро распорядится своей избой сам». В ночь, когда Петруха поджег избу, Хозяин острова вышел рано и «видел все от начала до конца». В отсветах пожара он «хорошо видел блеклые покуда, как нарисованные, огоньки над живыми еще избями — только он мог их видеть и видел, отмечая, в какой очередности возьмет их огонь»... Хозяин острова видел и «чужих людей» («их было много»), которые придут жечь Матеру. Он видел думы над материнскими лесами, над кладбищем...

Совершая обход деревни, Хозяин острова отчетливо слышит стоны изб, которые, как и земля, готовятся заранее к своей конечной судьбе. Ему ведомо было, как «терпеливо и молча пойдут они до последнего, конечного дня, показав на прощанье, сколько в них было тепла и солнца, потому что огонь — это и есть впитанное и сбереженное впрок солнце, которое насильно изымается из плоти». И когда Хозяин острова приближался к избам, они отзывались, каждая на свой голос, протяжными и терпеливыми вздохами. Он чувствовал, как деревянные строения отдавали ночью тепло, набранное за день. Если тепло было сдержанным и слабым, Хозяин острова знал, что следующий день будет пасмурным («верно, солнце завтра не выйдет»).

Он проникает и в тревожные сны старух. «Только ночами, отчалив от твердого берега, сносятся живые с мертвыми, — приходят к ним мертвые в плоти и слове и спрашивают правду, чтобы передать ее еще дальше, тем, кого помнили они».

Связывая живых и мертвых, прошлое и настоящее, Хозяин острова «не любил смотреть в небо, оно вводило его в неясное, беспричинное беспокойство и пугало своей грозной бездонностью». Он не любил небо потому, что люди смотрят на него и утешаются мечтами. Мечты — «всего лишь воспоминания, даже в самых дальних и сладких рисованных мыслях».

Он любил прислушиваться к струнному протяжному шуршанию Ангары. Звучание текущей реки «возносило его к вечности, к раз и навсегда заведенному порядку, но Хозяин знал, что скоро оно оборвется и будет здесь, над заглохшей водой, гудеть только ветер».